

Р.Р. БАВДИНОВ

КУЛЬТУРНЫЕ КОНЦЕПТЫ: ОПЫТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ)

Культурный концепт имеет двустороннюю природу, с одной стороны, выступает как лингвистический знак, с другой – как осмысленная культурная единица. При анализе культурных концептов ключевой дислокацией должно стать наличие национально-специфического или идеоэтнического значения. Наличие подобного значения дает право утверждать, что перед исследователем-лингвистом – единица амбивалентного значения, что может послужить добрую службу при анализе микро- и макротекста и культурологу, и лингвисту, и текстологу. Но культурные концепты выступают своеобразным живым организмом, то приспосабливаясь к новой культурной стихии, при этом, теряя прежние значения и приобретая новые, или под воздействием чужеродной субстратной культуры дополнять коннотации и служить маркированным членом лексических единиц любого естественного языка. В настоящей работе не дается обзор библиографии о культурных концептах, основных значениях данного термина, истории развития формирования учения о концептосфере и т.д., достаточно сделать несколько ссылок на интересные работы в этой сфере, например, [1, с.3; 2, с.4; 3, с. 3-5]. Для нас *культурный концепт* – это лексическая единица, соединяющая в себе чисто лингвистическое и культурное значение, при этом последнее значение наиболее важно, так как данное культурное значение выводит исследователя на анализ культурной коннотации. Большую роль в формировании содержания культурных концептов играют экстралингвистические факторы, возможно, данные факторы играют решающую роль и в образовании культурных концептов. Тюркский материал слабо привлекался в качестве лингвистического материала при анализе культурных концептов, тем более данные реликтовых языков, которые рассматриваются многими тюркологами лишь как общие языки для всех тюркских народов и зачастую упускаются из виду высокая духовность и содержательность древних тюркских языков. Древние и средневековые тюркские языки выступают своеобразными резервуарами для формирования, содержания концептов, которые транслируются через призму культур-

ной среды. Что же дает исследователю анализ культурных концептов? Основная цель исследования культурных концептов заключается в раскрытии механизмов формирования, развития и становления данных лексем как особенных структур, обладающихвойной природой. По сути, культурный концепт – это семиотическая единица, но такая единица, которая имеет свою особенную структуру, содержание и сеть лексических значений, а лексические значения имеютнерасторжимый симбиоз с культурным ореолом. Данный факт мы постараемся отразить в нашей работе, и для доказательства данного положения нами привлекается материал средневековых и современных тюркских языков.

Великий Шелковый путь – феномен культуры древнего мира. Исследование языковых контактов в период её формирования и функционирования – задача сложная и многогранная. На территории современного Казахстана, где проходили трассы Великого Шелкового пути, сходились не только торговцы, миссионеры, религиозные деятели, купцы, но и перекрешивались языки и культуры. В общий водоворот культуры вливались различные цивилизационные ареалы: арабский и персидский, славянский и германо-романский, китайский, тюрко-монголо-маньчжурский. Лексические единицы отражают эти процессы контактирования, которые и составили содержание культурных концептов.

Материалом исследования, из которого экспериментированы лингвистические данные, послужили следующие средневековые тюркские письменные памятники: «Тюркско-арабский словарь», «Кодекс куманикус», «Армяно-кыпчакская Псалтырь», «Изысканный дар тюркскому языку» (грамматический трактат XIV века на арабском языке), «Кисекбаш китабы» («Книга отрезанной головы»). Данные памятники – общетюркское достояние, написанные на разных средневековых тюркских языках. Так, «Кодекс Куманикус» – на кыпчакском, «Тюркско-арабский словарь» – на старокыпчакском, и здесь же можно обнаружить яркий пример лингвистического контактирования – тюрко-арабского и тюрко-персидского, которое впоследствии (уже с

нового времени) приобретет иные формы и иные коннотации. В анализируемых памятниках налицоствуют культурные концепты или, точнее, своеобразные *предконцепты*. Мы их называем *предконцептами*, так как формирование содержания и наличие семантического комплекса уже происходило в современных языках, и судьба каждого концепта сложилась по-разному во многих тюркских языках, можно сказать даже больше, в пределах одного языка варьируются содержание и форма настоящих концептов. Необходимо отметить, что культурные концепты рассмотрены нами в данной работе как комплексные системообразующие структуры, другими словами, отдельный культурный концепт составляет сегментированную группу с разными лексемами, но структурно отражающие ядерный культурный концепт. К примеру, исходя из результатов анализа выше-упомянутых памятников можно выделить культурный концепт «*кочевое скотоводство*», который будет содержать комплекс лексических единиц не только чисто утилитарного значения, т.е. названия домашних животных, разновидностей, мастей, пород и пр., но и лексемы с идеоэтническим значением, которые могут быть словами-реалиями (или т.н. безэквивалентной лексикой). В комплекс лексических единиц данного культурного концепта нами включаются следующие слова-реалии, обнаруженные нами в [4]: **акрут** - «шест с петлей на конце, которую табунщики на скаку набрасывают на шею лошади, чтобы поймать их», **бурундуқ** - «стержень, тоненькая палочка, продеваемая под ноздрями верблюда, за которую привязывают поводок», **көлүк** - «осел и другое животное в качестве тягловой силы» (ср. в современном казахском языке **көлік** «автотранспорт вообще»), **үгүр** - «табун, косяк лошадей, которые свободно пасутся на воле вместе и привыкли друг к другу», **үйөз** - «из-за мух и других насекомых перекочевывать к прохладным местам; летом со скотом спасаться от насекомых». Можно предположить, что комплексы лексических единиц, формируемые центральным культурным концептом, могут образовать семантическое поле, и структурные единицы такого поля могут вступать в парадигматические и синтагматические отношения. В ходе анализа лексики средневековых тюркских памятников многие лексические единицы правомочно выделять в отдельные структурные семантические поля. Так, формирование комплекса лексических единиц культурного концепта «*дом*», дает исследователю возможность проанализировать

те единицы, которые выступают в качестве культуроносных (термин В.Н. Телия) [5, с.14]. В «Тюрско-арабском словаре» встречается слово **аврыз** - «уборная (отхожее место)», заимствованное из персидского в форме **аб-риз** [4, с.76]. В современном уйгурском языке данная лексема в форме **әбрәз / әврәз / әйвәз / овраз** имеет следующую семантизацию: «место для омовения; сточная яма», «ямка в земляном полу помещения, вырытая под *түнүк* и служащая для мытья рук» [6, с.317]. Помимо расширения значения данной лексемы и трансформации фонетического облика в современном уйгурском языке, настоящая лексема вошла в интересную паремию: *әтир тола чашқан әврәз пурайды* - « тот, кто много душился, пахнет отхожим местом», то есть нельзя ни в чем переусердствовать, во всем необходимо соблюдать меру. В вышеназванном словаре встречается лексема **хырман**, имеющая значение «гумно, ток» из персидского **harman** - «куча зерна или необмолоченного хлеба» [4, с.216]. В современном уйгурском языке существуют различные паремии со стержневым элементом **хаман** в значении «гумно, ток, куча зерна или необмолоченного хлеба; время молотьбы или уборки урожая» [7, с.419]: *бири хаманда, бири арманда* - «один на гумне, другой в мечтаниях», то есть один работает в поте лица, другой же праздно проводит время; *Кошта йок, омида йок, хаманда тәйяр* - «на пашне нет, на страде нет, а на гумне тут как тут»; *Териган хаман қилар, теримиган арман қилар* - « тот, кто сеял, создаст гумно, а тот, кто не работал, создаст бесплодные мечтания». Данные примеры подтверждают то обстоятельство, что культурные концепты образуют культуроносный слой в результате развития комплекса лексических значений у одной конкретной лексемы.

Культурные концепты как структурные образования с наличием корреспонденции языка и культуры обладают парадоксальными характеристиками, с одной стороны, динамикой развития, с другой – статикой (под статикой мы понимаем, тот факт развития концепта, когда значение формировалось в древнюю или средневековую эпоху, а в современных языках осталось рудиментарное или однозначное значение). Примеров подобной статики на материале тюркских языков довольно большое количество. Приведем один пример. В древнетюркском и древнеуйгурском языке лексема **qatun** имела следующие значения: «женщина», «женщина знатного происхождения, госпожа, жена правителя-кагана», сравнивте в средневеково-монгольском языке

хатун «женщина, замужняя женщина» [8, с.165]. Но, к примеру, в современном уйгурском языке у данной лексемы осталось значение «женщина, замужняя женщина», «жена», сема «женщина знатного происхождения, госпожа, жена правителя-кагана» исчезла. Материал современного уйгурского языка дает еще удивительную метаморфозу данной лексемы: лексема **хотун** имеет при определенных условиях отрицательную коннотацию: 1) поведение, характер, манеры и привычки, не присущие мужчине (наличие сравнения **хотун кишидәк букв.** «как женщина, то, что свойственно женщине», **хотун мұ?әз** «человек / мужчина с бабьим характером»); 2) глупая женщина, нерадивая жена (атрибутивные сочетания с лексемой **хотун** дают высокую продуктивность: **надан хотун** - «глупая жена / женщина», **ойнаш хотун** - «женщина ветреного поведения» и т.п.). Лексема **хотун** в современном уйгурском языке корелирует с **аял** - «женщина, жена» – арабского происхождения, **рәпикә** - «супруга, жена» книжного стиля – также арабское заимствование. Приведем пример динамики развития значения культурных концептов с альтернацией на общеалтайском фоне. К таким концептам мы относим лексему **ерик** - «арык – искусственный оросительный канал»; **др.турк. арық** - ручей, арык [9, с.52/]; **др.уйг. арик** [10, с.285]; **ср.турк. арық** - река, канал [11, с.58]; **ферг. әриқ** [12, с.174]; **туркм. Арык** - арык, канава [13, с.53]; **тур. Ark** - оросительный канал, арык [14, с.63]; **тат. арык** [15, с.41]; **ног. арык** [16, с.49]; **каз. Арық** - арык, канава, **бас арык** - головной арык [17, с.74]; **узб. Ариқ** - арык, оросительный канал, канава [18, с.39]; **сал. а:рүк** - канал, арык [19, с.293]; **азерб. арк, арх** - речка, канава, рукав реки, канала [20, с.472]; **к.-калл. арық** то же [21, с.53]; **алт. Арық** - оросительный канал [20, с.472]; сравните параллели в монгольских языках: **монг. диал. өриг;** **халх. монг. Ариг** - ров, яма, канал; **калм. ар(а)-канал**, канава. Данный культурный концепт широко отражен в уйгурском паремическом фонде (настоящий факт репрезентирует высокую продуктивность концепта: конструируется лингвистическая парадигма – от слова к микротексту и тексту), например:

Бизниңму ериқтарда су еқип қалар букв. «И в наших арыках будет вода течь» (сравните типологическую параллель из славянских языков, в частности, русская пословица «и на нашей улице будет праздник»);

Соқушта бир ериқта қан ақса, бир ериқта яг ақиду букв. «Во время войны в одном арыке течет

кровь, в другом – масло» /в значении: во время войны кто-то обогащается, в то время как проливается кровь/;

Һол ериқта су яхши ақиду букв. «Во влажном арыке вода хорошо течет» /в значении: легче делать работу, которую знаешь, опираясь на предшествующий опыт/;

Йоққа немәйок, ериқтики суму йоқ букв. «Немущему ничего нет - и в арыке воды не достанется» /в значении: когда человеку не везет, то неудача следует одна за другой/;

Тәрсәң териқ болар, тәрмисәң ериқ букв. «Если будешь сеять, то будет просо, не будешь – арык» /в значении: если делать работу вовремя, будет результат/;

Ериқни жиглап чапсан, суни ойнап тутисән букв. «Арык копаешь со слезами, воду пустишь играючи» /в значении: долгая и упорная работа дает хорошие результаты/;

Ериқ билән чиқышқычә, елиң билән чиқши букв. «Чем заниматься арыком, лучше покажи свое умение народу» /в значении: человек должен реализовать себя в служении народу/;

Ериқта аққан суниң қәдиди йоқ букв. «Вода, которая течет в арыке, не ценится»;

Тоху териқ чүшәйди, дехан – ериқ букв. «Курице снится просо, земледельцу – арык» /в значении: земледелец думает об урожае/.

Особую символизацию имеют артефакты материальной культуры. К примеру, такой важный компонент эстетики всех народов мира как цветы приобретает в культуре древнего тюрка особый смысл. Судя по историческим источникам, в уйгурском государстве Кочо помимо выращивания зерновых, технических, бахчевых культур, винограда, население занималось цветоводством. У домов зажиточных граждан, купцов, правительственные сановников имелись цветники – **чачақлық**. Разведением цветов занимались садовники. Цветы, как составляющая древнеуйгурской культуры, были широко представлены во всех сферах: изобразительном искусстве, литературе, костюме, орнаменте. К примеру, изображение декоративных растений, винограда и других садовых культур Восточного Туркестана можно найти на стенах древних храмов, упоминание о них – в письменных памятниках, относящихся к различным периодам истории и культуры. Среди изображений растений очень часто встречается цветок священного лотоса – символа буддийской мифологии. Лотосовые побеги с крупными цветками встречаются довольно часто в настенной живописи Восточного Туркестана, в

частности, в развалинах Кучи и Турфанского оазиса (IX-XIII вв.). Рисунки цветов есть и на стенах храмов «Мин өй» («Тысяча пещер»), здесь лотос имеет вид полураскрытоого бутона и раскрытоого цветка. Крупные цветы изображаются в форме трона или так называемого лотострона. В искусстве махаяны часто бытовали изображения Будды, сидящего на лотосе (кучинские росписи «первого» и «второго» стиля), на настенной живописи из Турфанского оазиса монахи-буддисты часто были изображены среди разбросанных бутонов лотоса и обязательно с цветочными гирляндами в руках. В Шикшинских росписях «рая» присутствует лотос, символизирующий возрождение душ праведников (праведники изображены сидящими в лотосах) [22, с.281]. Примечательно, что особой популярностью пользуется образ лотоса в буддийской мифологии и религии, лотос считается «чакрамой» или органом познания в астральном мире живых существ. В лотосе уйгуры-буддисты видели эманацию Будды, что отразилось и в текстах религиозного содержания. Например, *ол қайу ажунларта тоғсар, анта йэмэ линхуаның өзәннинтін өк бөгүн кәлигин тоғмагы болур* - « тот, если в какой-либо из жизней (воплощений) рождается, то тут же только рождается его (чудесный) приход из самой сущности цветка лотоса» [23, с.37]. В образной системе буддизма лотос является собой не только воплощение Будды, но и служит прототипом божественного откровения, беспредельной мудрости, совершенства истинного знания: *сиз иңчә билиң бу йиртінчү йир-сұвдақты тынысылар бірінгі бурхан көркін көрү құрутулғу эрсәр Хуаниши Пусар ол тынысықта бурхан көркін көркүтүрүп намлайұр құруттарур* - «вы следующим образом знайте: если живые существа земли и воды этого мира спасаются, видя красоту Будды, то лотос доброго закона тем живым существам показывает красоту Будды, проповедует закон божий и спасает» [23, с.60]. В Бездеклике имеются изображения уйгурских князей с розой в руках, что означало их мирные устремления. Уйгурские княгини изображены с венками из цветов на голове, у некоторых - в руках лотос или мирра. В древнеуйгурском языке используется персидское слово *гүл* / *гул*, при наличии тюркского наименования *чечак*. Последнее наименование встречается в сочинениях караханидского периода, в частности, у Юсуфа Баласагуни и Махмуда Кашгари. Форма *сесак-чечәк* отмечена в сочинении «Алтун ярук». Слово *гүл* / *гул* / *гол* входит в тюркские языки примерно с XII века. Так, в сочинении первой

половины XII века Ахмета Югнеки «Нибәт-ул нақайик» («Подарок истин») уже употребляется персидское заимствование. Также в древнеуйгурском языке встречается китайское слово *хуэр* / *хуа*, к примеру, в «Алтун ярук» *хуэр* / *хуа* употребляется параллельно с *чечәк*. Таким образом, в историческом плане выступает комплекс лексем со значением «цветок»: *чечак* / *чечәк*, *хуэр* / *хуа*, *гүл* / *гул* / *гол*. В произведениях древнеуйгурской литературы обнаружены случаи словоупотребления данной лексемы. Так, *хуа* образует сочетания *хуа чечәк* - цветы, *хуа йавышгу* - гирлянды цветов, *хуалыг чечәклиг* - «имеющий цветы, связанный с цветами». Об особом почитании уйгурами-буддистами цветов повествуется в следующем фрагменте из буддийской сутры: «Сәкиз йүкмәк»: *хуа йавышгун йыдын йыпарын ынча ай-айур ағырлайурлар тапынур удунурлар қалты бурханларыг тапынурлар удунурч а-* «они так почитают гирлянды цветов и благовония, как почитают будд» [9, с.638]. В другом фрагменте из буддийских легенд обнаружено употребление сочетания *хуалыг чечәклиг* (китайско-турецкий компонент тесно спаян с чисто тюркским): *мунта турмалым адын, оттүг сувлуг хуалыг чечәклиг йеркә баралым* - «мы не хотим здесь, пойдем в другое место, богатое растительностью, обводненное, изобилующее цветами» [9, с.638]. Дальнейшая судьба лексем *гүл*, *чечәк* в разных тюркских языках сложилась по-разному и неодинаково, но это - суть специального исследования.

Вышерассмотренные примеры являются проявлением материальной культуры тюрков, так называемые, «артефакты материальной культуры», но древние и средневековые тюрки обладали многообразной и сложной духовной культурой. Возможно, данные артефакты духовной культуры являются сердцевиной культурных концептов, которые и составляют мировоззрение тюркского человека древности и средневековья.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Логический анализ языка. Культурные концепты – М., 1991
- 2 Маслова В.А. Лингвокультурология. Учебное пособие – М., 2010
- 3 Шафиков С.Г. Категории и концепты в лингвистике // Вопросы языкоznания – №2, 2007 – С. 3-17
- 4 Курышжанов А.К. Исследование по лексике старокыпчакского письменного памятника XIII века – «Тюркско-арабского словаря» – Алма-Ата, 1970
- 5 Телия В.Н. Русская фразеология – М., 1998
- 6 Уйгурско-русский словарь – М., 1961
- 7 Наджип Э.Н. Уйгурско-русский словарь – М., 1968

- 8 Щербак А.М. Ранние тюркско-монгольские языковые связи (VIII-XIV вв.) – Спб., 1997
- 9 Древнетюркский словарь – М., 1969
- 10 Тихонов Д.И. Хозяйство и общественный строй Уйгурского государства X-XIV веков – М.:Л.; 1966
- 11 Боровков А.К. Лексика среднеазиатского тифсира XII-XIII веков – М., 1963
- 12 Садвакасов Г.С. Язык уйгуров Ферганской долины. Очерк фонетики, тексты и словарь. – Алма-Ата, 1970
- 13 Туркменско-русский словарь – М., 1968
- 14 Турецко-русский словарь – М., 1977
- 15 Татарско-русский словарь – М., 1966
- 16 Ногайско-русский словарь – М., 1963
- 17 Казахско-русский словарь – Алматы, 2002
- 18 Узбекско-русский словарь – М., 1959
- 19 Тенишев Э.Р. Стой саларского языка – М., 1976
- 20 Сравнительная грамматика тюркских языков. Лексика. – Т.1 – М., 1984
- 21 Каракалпакско-русский словарь – М., 1958
- 22 Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье: Архитектура. Искусство. Костюм. – М., 2000
- 23 Насилов В.М. Древнеуйгурский язык – М., 1963

Резюме

Лингвистиканың қазіргі салаларының бірі – тіл және мәдениетті қарастырады. Аталмыш жұмыста мәдени концептерге талдау жасалынады, оларға түрлі тілдік мағыналар: тілдік және тілдік емес (мәдени) кіреді. Әр жеке концептте тіл және мәдениеттің әрекеттестігін қамтитын өзіндік даму тарихы, лексикалық мағыналары бар.

Summary

This article considers the modern trend in linguistics so called *language and culture*. An author of this article examines cultural concepts including different meanings: language and cultural meanings. Each concept has its own history of development, different meanings and reflects interaction between the language and culture.